

Москвичка - 1995. - март (и 9). - с. 6.

Ирина ДЕНИСОВА,
специальный корреспондент
«Москвички» в Женеве

Марина Влади:

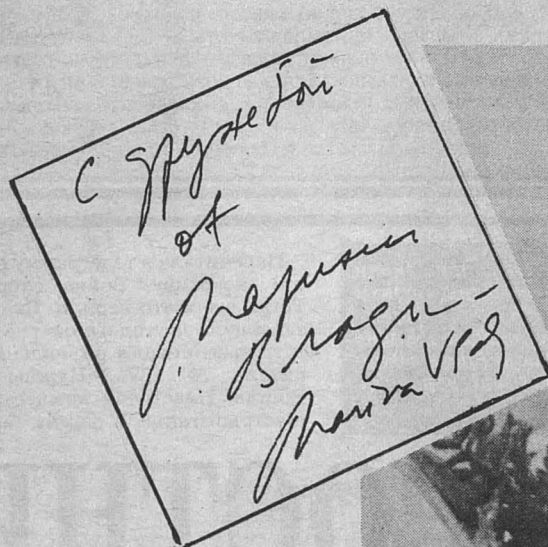
*"Артисткой
я была с
рождения"*

Марина Влади... Впервые я увидела ее, как и многие мои сверстницы, во французском кинофильме «Колдунья», в котором она играла главную роль. Как мы тогда хотели хоть чем-нибудь быть похожими на нее! А в начале 70-х, когда Марина была уже женой Высоцкого и вся Москва обсуждала столь необычный по тем временам брак, узнали, что Влади-Полякова, русская по происхождению.

На долю этой женщины выпало как много счастливых дней, так и немало горьких, тяжелых испытаний. «Я жив, двенадцать лет тобой храню», так писал о ней незадолго до смерти В. Высоцкий. При любых жизненных перипетиях Марина всегда могла взять себя в руки, найти свое место в жизни, помочь своим близким и друзьям в трудные моменты для них.

Прошло более 14 лет как Марина после смерти мужа уехала из Москвы. Теперь у нее там нет ни квартиры, в которой они жили с Высоцким, ни родных, даже нет шанса быть похороненной после своей смерти рядом с мужем.

С Мариной Влади я встретилась в Женеве, где она была неделю на гастролях со своим театром. В один из вечеров перед спектаклем мы с ней побеседовали о ее жизни, о том, чем она сейчас занимается, как сложилась ее дальнейшая судьба.

— Марина, вы русская по происхождению. Как ваши родители попали во Францию и чем они занимались?

— Мой отец приехал во Францию в 1915 году. Он был летчиком и поступил добровольцем во французскую армию. Так что он не беженец и не иммигрант. Остался он в Париже в 1918 году после ранения. Еще живя в Москве, отец закончил консерваторию, поэтому, вынужденно оставив армию, он стал певцом. Мама же приехала во Францию в 1919 году. Она была дочерью генерала. Но встретила она с отцом только в 1927 году, и в том же году они поженились. Самое же удивительное было то, что они оба были родом из Курской губернии.

— Вы очень рано стали известной актрисой. А с какого возраста вы выступаете на сцене?

— Я начала выступать с отцом в спектакле когда мне было 2,5 года. Я уже пела, танцевала. В 8 лет поступила в оперу «Гранд Опера», где пробыла четыре года. В кино же я стала сниматься еще ребенком, мне было 11 лет. Но до этого я уже выступала на радио, занималась дубляжем, т. е. артисткой я была с рождения.

— Значит вопрос о выборе другой профессии перед вами не стоял?

— Практически нет. Не стань я актрисой, я была бы или балериной, или певицей. Мой отец всегда хотел, чтобы я пела. Ведь у меня с детства было прекрасное лирическое сопрано, и он думал, что я смогу петь в опере. Да и мне всегда этого хотелось. Я записала несколько своих пластинок, так что можно считать, что и эта моя мечта сбылась.

— В каких фильмах вы сейчас снимаетесь?

— Ни в каких. К сожалению, как это ни печально, ролей для женщин моего возраста «а ляж мюр» (женщина в возрасте. — И. Д.) практически нет. А если они и появляются, то на них бросаются все. Что же касается театра — это да, у меня сейчас самый подходящий для него возраст. В моей жизни наступил такой момент, когда мне все предлагают заглавные роли в спектаклях. Не так давно я сыграла Любовь Андреевну в «Вишневом саду». Эта роль была моей мечтой многие годы. Так что у меня теперь расцвет творческих сил в театре, а не в кино, где теперь мне нечего делать.

— На вашей карьере никак не отразилось ваше русское происхождение?

— Конечно, отразилось. Во-первых, я не выгляжу как французка, во-вторых, у меня совершенно другой голос, чем у них, мягкий, мелодичный, женственный. Я не такая как все они, может быть, из-за этого и моя известность побольше...

— Марина, вашу жизнь можно разделить на три этапа: до Высоцкого, с Высоцким, после Высоцкого. Немного расскажите о них.

— До Высоцкого я была дважды замужем. Мой первый муж, Роберт Россен, был знаменитым актером, которого, между прочим, очень любили в России. От него у меня два сына — Игорь и Петя. Второй муж, Жан-Клод Бруйе, владелец авиакомпании в Африке, очень богатый и симпатичный человек, отец моего младшего сына Владимира. Затем я 12 лет была замужем за Высоцким и осталась бы с ним до конца, если бы он не умер. На двоих у нас с Володей было пятеро детей и все мальчики.

Последние несколько лет я живу вместе с одним очень хорошим, удивительным человеком. Он профессор, один из самых известных наших онкологов.

— Поэтому, я смотрю, вы совсем теперь не курите.

— Да, уже несколько лет не курю. Что же касается Высоцкого, то я все подробно и откровенно написала о нем и о тех, кто в то время нас окружал, в моей книге «Владимир, или Прерванный полет». В ней я рассказывала все самое главное и самое трудное в нашей с ним жизни. Книга была издана в 1987 году.

— У вас до сих пор так и не нормализовались отношения с родственниками Высоцкого?

— И не могут нормализоваться. Вы не представляете, что они делают с памятью Володи: они торгуют ею, наживаются на ней... Противно даже продолжать.

— Я знаю, что трагически погибла мачеха Высоцкого.

— Да, все это ужасно. Ведь она была единственным человеком среди всех Володиных родственников, кто по-настоящему, искренне любил его. Она воспитывала его, как родного сына. И когда Володи не стало, она просто умерла от горя.

— А родная мать?

— А родная мать в день смерти сына пошла на Ваганьковское кладбище с друзьями Володи, которые там купили для него место (вы же знаете, как это сложно всегда было сделать в Москве), и оформила могилу на свое имя. Даже в такой трагический момент, она думала только о себе. Когда же я у нотариуса заявила о своем желании после своей смерти быть похороненной рядом с мужем, она сказала: «Никогда в жизни! Это моя могила, и эта иностранка там не будет лежать с моим сыном!»

— И это после всего, что вы сделали для ее сына! Вы ведь ей и свою московскую квартиру оставили.

— Да, я написала письмо Л. Брежневу с просьбой оставить ей эту квартиру. Но в первую очередь, я думала о детях Володи. В Москве всегда было тяжело с жилплощадью, поэтому, переехав в нашу квартиру, я хотела, чтобы свою она оставила внукам.

— А вам не обидно, что ваша роль в жизни Высоцкого сильно принижена?

— Нет, я об этом не скорблю. Какое теперь это имеет значение, когда нет Володи. Сейчас у меня своя жизнь. Я знаменитая актриса, пишу книги, имею литературный и театральный успех.

— Чем занимаются ваши дети, где они живут?

— Мой младший сын с семьей живет в Южной Америке. Я уже бабушка двух его прелестных девочек. Два старших сына живут вместе со мной в моем большом доме в Мэзон-Лаффит. Старший сын — актер и художник, младший — классический гитарист.

— Как вы относитесь к тому, что ваши коллеги А. Делон, Ж.-П. Бельмондо, И. Монтан в столь зрелом возрасте не побоялись стать отцами?

— Что касается Ива Монтана, то я считаю, что с его стороны это был не слишком реальный взгляд на жизнь. Семьдесят — это уже многовато для «молодого» отца. В итоге, через несколько лет его не стало, и теперь его сын растет без отца. А Делон значительно его моложе. Я и сама родилась, когда моему отцу было пятьдесят, и была последним ребенком в семье. Понимаете, я не против позднего рождения детей и не говорю: «Ой, какой ужас, мать в шестьдесят лет!» Но все же существует какой-то возрастной предел. Другое дело, если раньше по каким-то причинам не получалось, и только теперь медицина может помочь. Сама же я родила рано, и после рождения третьего больше иметь детей не хотела ни с Володей, ни с кем-то другим. На мой взгляд трое — это достаточно.

— Марина, а приходится вам заниматься домашним хозяйством?

— Да, я все делаю по дому сама: и готовлю, и убираю.

— Вас с детства к этому приучили?

— Нет, в детстве я много снималась, и мне было не до этого. Я все научилась делать, живя в России, жизнь заставляла.

— А чем любите заниматься в свободное время?

— Спать. Очень люблю готовить. Люблю гулять. Занимаюсь спортом, плаваю.

— У кого вы одеваетесь?

— Ни у кого. Я покупаю то, что мне нравится и что удобно. Дома я люблю ходить в спортивном костюме. И вообще, я ношу все свои вещи очень долго. Я не кокетничаю.

— Марина, все же не могу не задать вам этот вопрос, хотя о политике не хотела говорить. Но зная ваш характер, как вы переживаете все происходящее в России, что вы думаете сейчас о нашей стране, ожидают ли ее лучшие времена?

— Я очень горюю по тому, что сейчас происходит в России. Но надеюсь, что страна выйдет из этого глубокого кризиса благодаря русским мозгам. В России всегда было много талантливых, творческих, мыслящих людей, их надо только хорошенько поискать и дать им свободно работать.

— В прошлом году у вас во Франции вышла очередная книга. Она об Афганской войне. Почему выбрана именно эта тема, вы что, там были?

— Нет, не была. Но до сих пор, на мой взгляд, кроме одной русской журналистки (к сожалению, я забыла ее фамилию), никто не написал книгу о том, что там на самом деле творилось, как страдали мальчишки, которых бросили в эту никому не нужную войну. Эта война была очень похожа на нашу Алжирскую, где пострадали многие люди. Им отрезали ноги, руки, но еще, как говорил Володя, им растоптали душу. Я разговаривала с двумя-тремя ребятами, которые воевали в Афганистане, просмотрела и изучила многие отснятые материалы и на этой основе написала роман. Весь сюжет я придумала сама. Книга получилась очень реалистичной и жесткой. Многие, прочитав ее, спрашивали, как я могла написать такую мужскую книгу. Во Франции она имела большой успех.

— Но эта книга на французском языке. Будет ли она переведена на русский, и не собираетесь ли вы в этой связи в Москву?

— Книга должна была выйти на русском языке еще в прошлом году, но получилась задержка с переводом. Как только он будет закончен, я сразу приеду в Москву, чтобы перечитать готовую рукопись. Надеюсь, в 1995 году мою книгу смогут прочитать и в России.

— Что ж, будем ее с нетерпением ждать. Благодарю вас за беседу и надеюсь, что следующая наша встреча состоится после презентации этой книги.

Женева
Фото автора